

щего уравнения, но и ранним критиком буржуазных отношений, возникших внутри феодального строя Франции, вступавшей на путь, который, говоря его словами, «заставляет одних умирать от нужды, а других — от излишеств»²⁰.

Возвращаясь к оценке выдвинутого Руссо «плебейского» требования равенства, следует напомнить, что французская буржуазия накануне революции 1789—1794 гг. в тактических целях широко пользовалась лозунгом «Свобода, равенство и братство». Почему же революционное «плебейское» понимание лозунга «равенства и братства» не стало реальным законом общественной жизни в послереволюционной Франции? На этот вопрос Ф. Энгельс дал исчерпывающий ответ. «Эти *плебейские* равенство и братство,— писал он 20 февраля 1889 года в письме к К. Каутскому,— должны были быть только мечтой в такое время, когда речь шла о том, чтобы создать нечто *прямо противоположное* им, и, как всегда, по иронии истории, это *плебейское* понимание революционных лозунгов стало самым мощным рычагом осуществления этой противоположности: *буржуазного* равенства — перед законом и братства — в эксплуатации»²¹.

И действительно, как только буржуазия оттеснила феодальную знать — дворянство и духовенство — и взяла в свои руки государственную власть, она опошילה все революционно-демократические требования просветителей, внесла всевозможные ограничения и поправки в свои конституционные установления и вместо равенства образовалась, как сказано в Программе КПСС, «глубочайшая пропасть социального и экономического неравенства. Не братство, а ожесточенная классовая борьба царит в буржуазном обществе».

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ «ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА»

Придавая большое значение трактату «Об общественном договоре», Руссо предпослал ему «Предуведомление», в котором писал:

«Этот небольшой трактат извлечен мною из более обширного труда, который я некогда предпринял, не рас-

²⁰ Руссо Ж. Ж. Трактаты, с. 101.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 127.

считав своих сил, и давно уже оставил. Из различных отрывков, которые можно было извлечь из того, что было написано, предлагаемый ниже — наиболее значителен и, как показалось мне, наименее недостойн внимания публики. Остальное уже более не существует»¹.

Трактат этот сыграл крупную политическую роль в революционной борьбе народных масс Франции со старым, феодальным режимом. В нем нашли наиболее яркое выражение принципы буржуазного демократизма XVIII века. Робеспьер, Марат, Сен-Жюст и другие видные якобинцы были горячими последователями теории общественного договора Руссо. И не только якобинцы — идеологи революционной буржуазной демократии — приводили в своих речах основные принципы «Общественного договора»; его идеи были на устах и у представителей умеренной демократии (Сийес, Бриссо и др.). Больше того, идеи «Общественного договора» легли в основу «Декларации прав человека и гражданина», принятой Учредительным собранием 26 августа 1789 года, в которой было записано: «Люди рождаются свободными и равными в правах», «Начало верховной власти всегда лежит в народе; никакое учреждение или лицо не может осуществлять власти, не исходящей от народа».

Трактат «Об общественном договоре, или Принципы политического права» состоит из четырех книг. Первую главу первой книги Руссо начал словами: «Человек рождается свободным, но повсюду он в оковах». Эти слова, прозвучавшие в предреволюционной Франции, будили в сердцах и умах бесправных городских ремесленников и мелких торговцев, крестьян, обремененных крепостными повинностями, жгучую ненависть к аристократии, к светским и духовным сановникам, утопавшим в богатстве и роскоши.

Политические идеи Руссо, противопоставлявшие феодально-деспотическому строю республиканский строй, основанный на равноправии всех сословий и гражданской свободе, воспринимались как революционный манифест, выражавший требования широких народных масс. И нет ничего удивительного в том, что трактат Руссо, напечатанный в Амстердаме в 1762 году, но запрещенный французской королевской цензурой, вскоре стал боевым знаменем французской буржуазной демократии.

¹ Руссо Ж. Ж. Трактаты, с. 151.

В первой книге трактата, главным образом в первых главах ее, Руссо исследует, на основании каких именно принципов может быть оправдано существование социального строя, в котором люди не пользуются гражданской свободой. Он критикует теоретиков, пытавшихся объяснить тот или иной характер государственного строя высоким происхождением монархов, правовыми привилегиями, основанными на силе, завоевании, рабстве.

В пятой и шестой главах трактата Руссо формулирует основные принципы учения об общественном договоре, составляющие, по его мнению, основу гражданского общества. В главах седьмой, восьмой и девятой он излагает учение о суверенитете, о гражданском состоянии, об имуществе и ряде положительных перемен, следующих из проведения в жизнь общественного договора.

Самая важная и самая существенная, на наш взгляд, шестая глава первой книги. Здесь Руссо сформулировал главные, отправные принципы общественного договора, вытекающие, по его глубокому убеждению, из чувства свободы и естественного равенства. Руссо рассуждал так: после того как люди утратили свою естественную свободу, все дальнейшее развитие первобытного общества пошло в ущерб их прирожденным правам, и, чтобы сохранить свое прежнее состояние, они должны были «найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всю общую силою личность и имущество каждого из членов ассоциации и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде»². Такова основная задача, которую решает общественный договор.

Первобытные люди в целях самосохранения от неизбежной гибели, по словам Руссо, в определенные периоды, часто стихийно, должны были становиться на путь ассоциации, на путь общественного договора, как необходимого условия их жизни. На этом пути люди делали значительный шаг вперед: они ценою своего жизненного опыта вместо прирожденных прав и обязанностей приобретали гражданскую свободу и нравственное равенство.

Итак, формулирует Руссо характерную черту этого общественного соглашения, «если мы устраним из общественного соглашения то, что не составляет его сущности, то мы найдем, что оно сводится к следующим положе-

² Руссо Ж. Ж. Трактаты, с. 160.

ниям: *Каждый из нас передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого*³.

Таким образом, общественный договор обеспечивает абсолютное соответствие между индивидуальной и общей волей, т. е. волей всего народа. Выход из лона естественной свободы и вступление людей в договорные отношения, по его мнению, знаменовали собой не только усложнение организационно-хозяйственных задач ассоциации, но и приобретение ею новых форм. «Немедленно вместо отдельных лиц, вступающих в договорные отношения, этот акт ассоциации,— писал Руссо,— создает условное коллективное Целое, состоящее из стольких членов, сколько голосов насчитывает общее собрание. Это Целое получает в результате такого акта свое единство, свое общее Я, свою жизнь и волю. Это лицо юридическое, образующееся, следовательно, в результате объединения всех других, некогда именовалось *Гражданскою общиною*, ныне же именуется *Республикою*, или *Политическим организмом*: его члены называют этот Политический организм *Государством*, когда он пассивен, *Сувереном*, когда он активен, *Державою* — при сопоставлении его с ему подобными. Что до членов ассоциации, то они в совокупности получают имя *народа*, а в отдельности называются *гражданами* как участвующие в верховной власти и *подданными* как подчиняющиеся законам Государства»⁴.

Утверждение Руссо, будто политический организм получает наименование государства только в силу того, что он якобы пассивен, созерцателен по своему внутреннему состоянию, было, конечно, наивным. Вряд ли можно найти или представить себе такой политический организм, характерной чертой которого была бы пассивность, созерцательность. Государство как орган политической власти во все периоды человеческой истории, в особенности в условиях развитого классового антагонизма, выступает как активное орудие принуждения людей, как исполнительный орган власти того или иного господствующего класса. Современное буржуазное государство, говоря словами «Манифеста Коммунистической партии», — это «только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии».

³ Там же, с. 161.

⁴ Там же, с. 161—162.

Создание первых форм коллективной гражданской общественной связи, в том числе и первых форм государства, есть сложный исторический процесс. «История показывает, что государство, как особый аппарат принуждения людей,— учил Ленин,— возникало только там и тогда, где и когда появлялось разделение общества на классы — значит, разделение на такие группы людей, из которых одни постоянно могут присваивать труд других, где один эксплуатирует другого»⁵.

Таким образом, возникновение общественных классов и интересы классового господства есть главные исторические предпосылки, которые вызвали к жизни государство — орган имущего класса, созданный для защиты его интересов, его прав, его воли.

Руссо исходил из ложной, идеалистической точки зрения. Он не мог понять, что главной исторической предпосылкой государственной власти является не юридический акт, не общая воля, сознательно выраженная в виде общественного договора или закона, а разделение общества на классы, эксплуатация человека человеком, столкновения и борьба классов, ибо характерной чертой государства (рабовладельческого, феодального и капиталистического) является его классовая природа. В идеалистической же трактовке происхождения общественного договора, или гражданского общества и его политического организма, «выходило так, что будто общественные отношения строятся людьми сознательно,— писал В. И. Ленин.— Но этот вывод, нашедший себе полное выражение в идее о *Contrat Social* (следы которой очень заметны во всех системах утопического социализма), совершенно противоречил всем историческим наблюдениям»⁶.

Во второй книге трактата Руссо сформулировал основные атрибуты верховной власти народа — ее неотчуждаемость, неделимость, неограниченность; обрисовал роль и значение законодателя в государстве; дал определение закона; проследил исторические судьбы отдельных народов.

Более важное значение в этой книге имеют первые главы. Руссо утверждал здесь, что общая воля не имеет никаких других целей, кроме общего блага, у нее нет и других стремлений, кроме стремления к равенству. Вме-

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 69.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 136.

сте с тем он подчеркивал, что из этого еще не следует, что общая воля, т. е. воля народа, не может заблуждаться (глава III). «Люди всегда стремятся к своему благу,— писал Руссо,— но не всегда видят, в чем оно». Для того, чтобы решения народа всегда имели верное направление, надо, чтобы в государстве не было ни одного частичного сообщества, наносящего тот или иной ущерб воле народа.

Важно отметить, что Руссо видит существенное различие между понятиями «общая воля» и «воля всех». Он говорит, что наряду с существованием общей воли, решения которой оказываются правильными, вполне мыслимо существование воли всех, представляющей собою изъявление воли отдельных лиц. Это различие общей воли и воли всех получило высокую оценку у Гегеля. «Указанное нами различие,— писал он,— между лишь общим и истинно всеобщим мы находим превосходно выраженным в знаменитом „Общественном договоре“ Руссо, где говорится, что законы государства должны иметь своим источником всеобщую волю (*volonté générale*), но они вовсе не обязательно должны быть потому волей *всех* (*volonté de tous*)»⁷.

При этом Гегель безосновательно упрекнул Руссо в том, что он якобы не всегда имел в виду это различие. Но это неверно. Руссо везде и всюду подчеркивал, что главный руководящий принцип ассоциации — это господство общей народной воли, всегда стремящейся к общему благу, к общей пользе. Общая народная воля по своей природе суверенна, утверждал он, т. е. обладает верховной властью. Верховная власть ни при каких условиях не может быть отчуждена от общей воли народа. «Я утверждаю... что суверенитет, который есть только осуществление общей воли,— писал Руссо,— не может никогда отчуждаться и что суверен, который есть не что иное, как коллективное существо, может быть представляем только самим собою. Передаваться может власть, но никак не воля». Там, где князь, монарх, повелитель присваивает себе права народа, там нет ни суверенитета, ни общей воли народа. «Если... народ просто обещает повиноваться,— заявляет Руссо,— то этим актом он себя уничтожает; он перестает быть народом. В тот самый миг,

⁷ Гегель. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974, т. 1, с. 347.

когда появляется господин, — нет более суверена; и с этого времени Политический организм уничтожен»⁸.

У Руссо мы находим глубокое, содержательное понимание народного суверенитета. Действительно, государственная власть как власть народа носит суверенный характер, т. е. верховный, независимый от всякой другой власти как внутри страны, так и вне ее. Такой суверенитет государственной власти есть политическое и юридическое выражение полновластия народа.

В современных капиталистических странах совершенно иное отношение к суверенитету. Здесь на словах лицемерно признают суверенитет государств и народов, фактически же господствующие эксплуататорские классы превращают его в фикцию и вероломно посягают на этот суверенитет. О народном суверенитете как реально существующем можно говорить только в странах социалистического лагеря.

Руссо всегда решительно и последовательно настаивал на таких важнейших атрибутах верховной власти, как неограниченность, неотчуждаемость, неразделимость. Он ясно и четко сформулировал идею суверенитета как проявление общей народной воли, как неотъемлемый и неделимый принцип абсолютного полновластия народа. «Подобно тому как природа наделяет каждого человека неограниченной властью над всеми членами его тела, — писал он, — общественное соглашение дает Политическому организму неограниченную власть над всеми его членами, и вот эта власть, направляемая общей волей, носит, как я сказал, имя суверенитета»⁹.

Суверен, обладающий абсолютной властью, продолжал Руссо, вправе требовать от каждого члена политического организма строгого выполнения его гражданских обязанностей.

«Все то, чем гражданин может служить Государству, он должен сделать тотчас же, как только суверен этого потребует, но суверен, со своей стороны, не может налагать на подданных узы, бесполезные для общины; он не может даже желать этого, ибо как в силу закона разума, так и в силу закона естественного ничто не совершается без причины»¹⁰.

⁸ Руссо Ж. Ж. Трактаты, с. 168.

⁹ Там же, с. 171.

¹⁰ Там же, с. 172.

Глубже и содержательнее своих предшественников рассматривал Руссо вопрос о разделении законодательных, исполнительных и судебных прав в государстве. Он резко критиковал тех политиков, которые, по его словам, ложно и поверхностно истолковывали понятие народного суверенитета: то расчленяли его на части, то собирали его странным образом «с помощью достойного ярмарки фокуса».

«...Наши политики,— писал Руссо,— не будучи в состоянии разделить суверенитет в принципе его, разделяют суверенитет в его проявлениях. Они разделяют его на силу и на волю, на власть законодательную и на власть исполнительную; на право облагать налогами, отправлять правосудие, вести войну; на управление внутренними делами и на полномочия вести внешние сношения; они то смешивают все эти части, то отделяют их друг от друга; они делают из суверена какое-то фантастическое существо, сложенное из частей, взятых из разных мест. Это похоже на то, как если бы составили человека из нескольких тел, из которых у одного были бы только глаза, у другого — руки, у третьего — ноги и ничего более. Говорят, японские фокусники на глазах у зрителей рассекают на части ребенка, затем бросают в воздух один за другим все его члены — и ребенок падает на землю вновь живой и целый. Таковы, приблизительно, приемы и наших политиков: расчленив Общественный организм с помощью достойного ярмарки фокуса, они затем, не зная уж как, вновь собирают его из кусков»¹¹.

Этот выпад в адрес «наших политиков» обычно относят к Монтескье. Но это не совсем так. Правильнее было бы отнести его к Гроцию и его сторонникам, которые действительно считали, что суверенитет должен быть разделен между отдельными лицами или органами государства.

В противоположность Ж. Бодэну и другим писателям Руссо развивал идею государственного суверенитета на республиканской основе. Только республиканский образ правления считал он вполне законным и разумным, так как полагал, что в республике подлинным творцом законов является сам народ, общая воля которого всегда направлена мудро и верно, и тем не менее решения народа,

¹¹ Там же, с. 169.

по словам Руссо, не всегда могут быть просвещенными, и это «порождает нужду в Законодателе».

Что же такое закон? — спрашивал он и отвечал: закон — это акт, направленный не на частный объект, а на целое, это юридическое выражение общей воли, т. е. воли народа. Предмет, относительно которого выносится решение, писал Руссо, «имеет общий характер так же, как и воля, выносящая это решение. Этот именно акт я и называю законом»¹².

Руссо дал абстрактное, идеализированное истолкование закона. В действительности закон в классовом обществе есть акт высшего органа государственной власти, выражающий волю господствующего класса. Законы капиталистических стран выражают волю меньшинства народа, закрепляют власть эксплуататоров над эксплуатируемыми. Законы же социалистических стран выражают сознательную волю трудящихся масс (рабочих, крестьян, интеллигенции); там, где социализм победил полностью и окончательно, в развитом социализме, закон выражает сознательную волю всего народа, всех социалистических наций, больших и малых, осуществляющих строительство коммунизма.

В главе VIII второй книги «Общественного договора» Руссо, между прочим, остановился на русской проблеме. Но, будучи недостаточно осведомленным, дал русскому народу и преобразовательной деятельности Петра I отрицательную оценку. Называя русский народ «диким», «варварским», не созревшим для «истинного управления», Руссо писал: «Русские никогда не станут истинно цивилизованными, так как они подверглись цивилизации чересчур рано. Петр обладал талантами подражательными, у него не было подлинного гения, того, что творит и создает все из ничего. Кое-что из сделанного им было хорошо, большая часть была не к месту. Он понимал, что его народ был диким, но совершенно не понял, что он еще не созрел для уставов гражданского общества. Он хотел сразу просветить и благоустроить свой народ, в то время как его надо было еще приучить к трудностям этого. Он хотел сначала создать немцев, англичан, когда надо было начать с того, чтобы создавать русских. Он помешал своим подданным стать когда-нибудь тем, чем они могли

¹² Руссо Ж. Ж. Трактаты, с. 177.

бы стать, убедив их, что они были тем, чем они не являются»¹³.

Руссо был мало сведущ в русских делах. Его суждения о Петре I, о России, о населяющих ее народах и их исторических судьбах чаще всего были непродуманными, необоснованными. Пускаясь в нелепые прорицания, он, например, заявлял, что татары, будучи подданными русского царя, когда-либо явятся страшным бичом не только для Российской империи, но и для Европы. «Российская империя пожелает покорить Европу — и сама будет покорена, — писал он. — Татары, ее подданные или ее соседи, станут ее, как и нашими, повелителями. Переворот этот кажется мне неизбежным. Все короли Европы сообща способствуют его приближению»¹⁴.

Эти «пророчества» Руссо объясняются тем, что он пахотился под влиянием антинаучных исторических концепций. В то время получила широкое распространение норманнская концепция Г. В. Байера, Г. Ф. Миллера и других немецких историков, которая утверждала, что основание Русского государства положено не русскими людьми, не славянами вообще, а варягами, т. е. норманнами, выходцами из Скандинавии. Византийские писатели в своих исследованиях относили основание Российского государства к Византии, причем все эти писатели и ученые превратно истолковывали нравы и обычаи русского народа, изображая русских людей невежественными, ленивыми, неспособными к самостоятельному государственному управлению.

Эти концепции, независимо от того, кто и как их высказывал, не встретили поддержки, например, у Вольтера. Вольтер расходился с Руссо не только в оценке преобразовательной деятельности Петра I. Будучи хорошо осведомленным в русских делах (в частности, через М. В. Ломоносова), Вольтер в своей «Истории российской империи при Петре Великом», вышедшей в свет в 1759 году, нарисовал очень близкий к истине портрет русского царя, не останавливавшегося ни перед какими препятствиями во имя осуществления передовых общественных идеалов. Петр I в глазах Вольтера был героической личностью, великим преобразователем Российского государства. «...Сколь дорогой и мрачной ценой приобрел Петр

¹³ Там же, с. 183.

¹⁴ Там же.

Великий счастье, обеспеченное им своим народам, — писал Вольтер, — как много открытых и тайных препятствии пришлось преодолеть ему среди долгой и трудной войны, среди внешних врагов, среди внутренних мятежников, в то время как половина его семьи была против него возбуждена, в то время как большинство священнослужителей упорно заявляло себя противниками его предприятий; в то время как почти весь народ был издавна предубежден против своего собственного счастья, которого он еще не понимал; сколько предрассудков приходилось разрушать в людских мозгах, сколько недовольства успокоить в людских сердцах. Нужно было, чтобы новое поколение, образованное его работами, стало наконец приверженцем его идей о счастье и славе, которых не могли разделить их отцы»¹⁵.

У Вольтера среди доставленных ему исторических материалов, надо полагать, были и такие документы, как указы Петра I. Известно, например, что в одном из указов, данных Петром I сенату, предлагалось приготовить закон, воспреещающий *«буде возможно»* продажу людей вообще или, по крайней мере, продажу без земли».

А. И. Герцен, приводя этот факт, между прочим, не без иронии заметил, что «сенат, раболепный во всем, ослушался и никакого закона не представил»¹⁶. Очень высоко ценил «изумительные петровские реформы» Н. А. Добролюбов. Рецензируя третий том сочинений Н. Устрялова «История царствования Петра Великого», он совершенно справедливо писал, что конечная цель всех преобразований Петра I состояла в том, что он хотел дать «большой простор развитию естественных сил народа, как вещественных, так и нравственных...». Величие Петра «как могучего двигателя событий в данном направлении поистине изумительно»¹⁷.

Мы сознательно опустили многочисленные высказывания М. В. Ломоносова — горячего приверженца преобразовательной деятельности Петра I, так как это увело бы нас в сторону от главного предмета исследования. И все же нельзя не сказать, что М. В. Ломоносов был глубоко

¹⁵ Цит. по кн.: *Державин К. Н. Вольтер*. М.: Изд-во АН СССР, 1946, с. 204.

¹⁶ *Герцен А. И. Избр. филос. соч.*: В 2-х т. М.: Госполитиздат, 1946, т. 2, с. 241.

¹⁷ *Добролюбов Н. А. Избр. филос. соч.*: В 2-х т. М.: Госполитиздат, 1948, т. 1, с. 277 и 333.

очарован положительной стороной деятельности Петра. Он считал, что самое прогрессивное и самое значительное в России XVIII века были государственные реформы Петра.

Однако, воздавая должное выдающейся государственной деятельности Петра I, создавшей благоприятные условия для развития капиталистических отношений в России, его социальная роль многими историографами послепетровской эпохи, в том числе и М. В. Ломоносовым, истолкована была несколько преувеличенно. Царствование Петра I отмечалось значительным укреплением дворянства, усилением крепостнической эксплуатации, вызвавшим обострение классовой борьбы и антиправительственные выступления широких народных масс. По словам К. Маркса, «Петр Великий варварством победил русское варварство»¹⁸.

Из европейских народов Руссо выделял корсиканский народ, гордился его храбростью, его упорной борьбой за свою независимость и предсказывал ему большую политическую роль в будущем. «Есть еще в Европе страна, способная к восприятию законов,— писал Руссо,— это остров Корсика. Мужеством и стойкостью, с какими этот славный народ вернул и отстоял свою свободу, он, безусловно, заслужил, чтобы какой-нибудь мудрый муж научил его, как ее сохранить. У меня есть смутное предчувствие, что когда-нибудь этот островок еще удивит Европу»¹⁹.

Лестный отзыв об исторических заслугах корсиканского народа привлек внимание главы демократического правления Корсики Паоли Паскаля, и он предложил Руссо составить проект конституции для Корсики. Руссо принял это предложение. В составленном проекте он советовал корсиканцам положить в основу их республиканских порядков идею равенства, предлагал избегать насаждения наследственных отличий и наград за те или иные заслуги перед государством; частную же собственность «заклЮчить в тесные рамки», подчинив ее общественному благу. «Основным законом ваших установлений,— писал Руссо,— должно быть равенство. Все должно подчиняться равенству, вплоть до самой власти, которая устанавливается лишь для того, чтобы его защищать». «...Нужно, чтобы все имели средства к существованию и чтобы никто

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 30.

¹⁹ Руссо Ж. Ж. Трактаты, с. 188.

не обогащался; вот основной принцип процветания нации...»²⁰

К. Маркс в свое время высоко ценил живейший интерес Руссо к образу правления европейских народов. Так, в статье «Морализирующая критика и критицизирующая мораль» (1847) он с большой похвалой заметил, что «Руссо некогда набросал проект наилучшего политического устройства для поляков»²¹. Существенная часть этого проекта посвящена проблеме национально-патриотического воспитания польской молодежи. Обращаясь к польской нации, Руссо рекомендовал ей сосредоточить все свое внимание на общественном воспитании подрастающих поколений. «Обучение детей может быть домашним и частным,— говорил он,— но их игры должны быть общественными и общими для всех; ибо здесь дело идет не только о том, чтобы их занять, дабы вырастить их крепкими, сделать их подвижными и стройными, но и о том, чтобы с детства приучить их жить на глазах у своих сограждан и воспитать в них желание заслужить общественное одобрение»²². Надо так направлять мнения и вкусы всей молодежи и всех граждан, советовал он, чтобы они были патриотами по склонности, по страсти, по необходимости.

Руссо проявлял живейший интерес к общественной жизни и других европейских народов. Он хорошо понимал, что в Европе, этой цитадели современной ему «ложной цивилизации», по существу нет ни политической свободы, ни гражданского равенства, что здесь, за исключением Швейцарии, слишком прочно укрепились деспотические и монархические режимы. Правда, Руссо не считал эти антинародные феодальные режимы несокрушимыми, вечными. Он призывал все европейские народы идти смело навстречу бурным эпохам, ибо эти эпохи, по его словам, не только разбивают тиранические оковы, но и возрождают народы, делают их жизнеспособными, юными, свободными. «Свободные народы,— взывал Руссо,— помните правило: „Можно завоевать свободу, но нельзя обрести ее вновь“»²³.

В третьей книге своего трактата Руссо исследовал основные формы государственного правления: демокра-

²⁰ Руссо Ж. Ж. Трактаты, с. 265, 278.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 314—315.

²² Руссо Ж. Ж. Трактаты, с. 467.

²³ Там же, с. 183.

тическую, аристократическую и монархическую. Сопоставляя демократическую форму правления с другими, Руссо доказывал, что эта форма правления наиболее приемлема для небольших государств, где господствует большая простота нравов и меньше чрезмерной роскоши и богатства; при этом он брал в пример Швейцарию как наиболее совершенное государство. «...Я счастлив, — писал он, — что всякий раз, рассуждая о формах Правления, нахожу в моих разысканиях все новые причины любить образ Правления моей страны» ²⁴.

Однако в демократических государствах, по его словам, гораздо более вероятны гражданские войны и внутренние волнения, так как здесь правительства постоянно совершенствуют и изменяют методы правления. Поэтому от демократических правительств для поддержания общественного порядка требуется больше умения, смелости и бдительности. «Более, чем при любом другом, при таком государственном устройстве, — писал Руссо, — должен гражданин вооружиться силою и твердостью и повторять всю свою жизнь ежедневно в глубине души то, что говорил один доблестный Воевода на Польском Сейме: *Malo periculosam libertatem quam quietum servilium* (Предпочитаю волнения свободы покою рабства. — А. Д.). Если бы существовал народ, состоящий из богов, то он управлял бы собою демократически» ²⁵.

Критикуя монархический образ правления, Руссо заявлял, что монархи всегда стремятся быть неограниченными, гордыми повелителями, что не случайно в королевских дворах господствуют жестокость, хитрость, интриги, вероломство. Личный интерес монархов всегда враждебен интересам подданных. «Их личный интерес прежде всего состоит в том, — писал Руссо, — чтобы народ был слаб, бедствовал и никогда не мог им сопротивляться» ²⁶.

Руссо, безусловно, был прав, когда упрекал французского теолога Ж. Б. Боссюэ в том, что в книге «Политика, извлеченная из св. писания» он предлагал подданным безропотно терпеть дурных королей, как «кару небесную». «Рассуждение это весьма поучительно, что и говорить, — пронизировал Руссо, — но оно было бы, кажется, уместнее в слове с кафедры, нежели в книге о политике» ²⁷.

²⁴ Там же, с. 152.

²⁵ Там же, с. 201.

²⁶ Там же, с. 204.

²⁷ Там же, с. 207.

Древние цари персов, скифов, македонян, хотя и объявляли себя повелителями, но они, сопоставляя Руссо, отнюдь не стремились оправдывать свои прерогативы территориальными или имущественными соображениями, тогда как современные монархи Европы лукаво прикрывают свои притязания на особые права. «Государи нашего времени именуют себя более хитро королями Франции, Испании, Англии и т. д. Владея, таким образом, землей, они могут быть вполне уверены в том, что ее обитатели у них в руках»²⁸.

Руссо остро критиковал распространенную точку зрения, согласно которой король, князь или повелитель вообще есть глава народа. Государь, утверждал он, не глава народа и не помазанник божий, а только слуга народа, и народ вправе назначать и сменять своего правителя. Народы создали себе государей для охраны своей свободы, а не для ее уничтожения. «Король не только не предоставляет своим подданным средства к существованию, — продолжал Руссо, — более того, он сам существует только за их счет, а королю, как говорит Рабле, немало надо для жизни. Итак, подданные отдают самих себя с условием, что у них заберут также их имущество? Я не вижу, что у них останется после этого»²⁹.

Аристократическая форма правления, по мнению Руссо, самая древняя. Первые общества чаще всего управлялись аристократически. Правители этих обществ были люди авторитетные и опытные. Это старейшины, жрецы, сенаторы, геронты. Но, по мере того как устанавливалось естественное неравенство, а богатство и могущество были предпочтены возрасту, аристократическая форма правления приобрела новые особенности. История человечества, по словам Руссо, знает три рода аристократии: естественную, выборную и наследственную. Аристократия первого рода «пригодна лишь для народов, находящихся в начале своего развития»; второго — «лучше всех; это — аристократия в собственном смысле слова»; третьего — «представляет собою худшее из всех Правлений»³⁰.

Хотя Руссо благожелательно относился ко второму виду — к выборной аристократии, но тем не менее он отдавал предпочтение республиканско-демократической

²⁸ Руссо Ж. Ж. Трактаты, с. 166.

²⁹ Там же, с. 155.

³⁰ Там же, с. 202.

форме правления. Хорошо управляемым политическим организмом он считал древний республиканский строй Рима. Весьма странно, писал он, что в Риме, где трибуны были столь свято чтимы, никто даже не представлял себе, что они могли бы присвоить себе права народа и что при столь огромной численности населения они никогда не пытались провести собственной властью хотя бы один плебисцит. У такого мудрого народа, каким был римский, «все было поставлено на соответствующее место; он предоставил своим ликторам делать то, что не осмелились бы сделать Трибуны; он не опасался, что ликторы могут захотеть его представлять» ³¹.

В государствах с монархическими и аристократическими формами правления, утверждал Руссо, вследствие роскоши и богатства управителей население чрезвычайно отягощено налогами и поборами, и только демократическая форма правления соответствует общественным интересам народа.

Руссо спрашивал: какой наиболее верный признак хорошего правления?— и отвечал: этим признаком является, прежде всего, рост численности и благоденствия народа. «Не ищите же окрест сей признак — предмет столь многих споров,— писал он.— При прочих равных условиях такое Правление, когда без сторонних средств, без предоставления права гражданства, без колоний граждане плодятся и множатся, есть, несомненно, лучшее. Правление, при котором народ уменьшается в числе и оскудевает, есть худшее» ³².

Наилучшим и менее дорогим правлением, по убеждению Руссо, может быть только демократическое. Преимущество, свойственное правительству при демократии, заключается именно в том, что оно может быть установлено посредством простого акта общей воли.

Говоря о демократической форме государственного правления как о наиболее совершенном политическом организме, Руссо не был, однако, антиисторичен, не считал ее незыблемой, вечной, абсолютно совершенной формой правления. Он понимал, что, подобно тому как человеческий организм имеет свое начало и свой конец, так и политический организм, в том числе и наилучшим образом устроенный — демократический, в конце концов при-

³¹ Там же, с. 222.

³² Там же, с. 213.

ходит в упадок, а затем умирает. «Если Спарта и Рим погибли, — писал он, — то какое Государство может надеяться существовать вечно? Если мы хотим создать прочные установления, то не будем помышлять сделать их вечными» ³³.

Руссо, безусловно, имел веские основания признавать буржуазно-демократический строй наилучшей формой правления, так как в его эпоху французская буржуазия в борьбе с прогнившим феодально-абсолютистским режимом, опиравшимся главным образом на внеэкономическое принуждение и эксплуатацию народных масс, играла прогрессивную роль. И все же провозглашенные великими просветителями Франции демократические свободы и принципы в действительности только расчистили путь к политическому господству буржуазии.

В наш век — век всеобщего крушения империализма и прогрессивного укрепления мировой социалистической системы — точка зрения Руссо на буржуазно-демократическую форму правления стала достоянием истории. Современный капитализм враждебен демократическим и прогрессивным устремлениям народных масс. «Он не мирится даже с прежними буржуазно-демократическими свободами, хотя лицемерно и провозглашает их, — говорится в Программе КПСС. — Буржуазии на данном этапе исторического развития все труднее пропагандировать лозунги равенства и свободы, как это она делала раньше. Подъем международного рабочего движения сужает возможности маневра финансового капитала, и он не может прежними лозунгами, равно как и подкупом рабочей бюрократии, гасить революционные настроения масс и справиться с неумолимо растущим революционным, антиимпериалистическим движением».

Современная буржуазия всячески поощряет антидемократические режимы и порядки, прикрывая их фальшивой и лицемерной защитой так называемых прав личности. Ленин в свое время разъяснил, что в действительности кроется под этой защитой: «...Пока собственность остается за капиталистами, — писал он, — всякая демократия будет только лицемерно прикрытой буржуазной диктатурой» ³⁴. Только социалистическая собственность создает фундамент подлинной демократии. Только на ее основе возмож-

³³ Руссо Ж. Ж. Трактаты, с. 217.

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 437.

но уничтожение антагонизмов и эксплуатации, без чего всякие разговоры о народовластии, о равенстве, правах человека, свободе и демократии остаются пустой фразой.

Четвертая книга трактата «Об общественном договоре», за исключением трех глав, посвящена главным образом гражданской истории Древнего Рима. Руссо говорит здесь о различных кастах и подразделениях римского народа — трибах, куриях, комициях, об их правах и обязанностях, о древних римских правительственных учреждениях, должностных лицах, о трибунате — охранителе законов и законодательной власти, о цензорах — судьях общественного мнения, о диктатуре как орудии общественной безопасности.

Мы не будем останавливаться на главах о Древнем Риме, представляющих собой интерес главным образом для историков римского права. Познакомим читателей с более актуальной проблемой, характеризующей политические воззрения Руссо и не утратившей своего общественного интереса.

Некоторые историки утверждают, что Руссо в истолковании общественных явлений проявлял непоследовательность, «двойственность»: с одной стороны, прославлял социально-политический прогресс, а с другой — звал и «манил» человечество назад, к временам дикой животной жизни. Наиболее ярко выразил эту точку зрения известный русский историк Н. И. Кареев. В предисловии к первой диссертации Руссо он отмечал, что нельзя не согласиться с теми, кто приписывает Руссо двойственную роль — крайнего революционера в политическом отношении, с одной стороны, и крайнего же реакционера в отношении культурном — с другой. В политике он звал вперед, рисуя идеал нового государства, не имеющего ничего общего со старым, но другой род его заявлений манил назад, к временам «счастливого неведения» первых дней человечества.

Эту двойственность отмечала и Генриетта Роланд-Гольст в работе «Жан Жак Руссо, его жизнь и сочинения», причем в отличие от Н. И. Кареева она пыталась связать ее с социальным положением Руссо. «Это был голос ремесленника, мещанина-реакционера, — писала она, — совершенно не разделявшего энтузиазма Дидро по поводу прогресса техники и использования науки для целей производства, ибо он чувствовал интуитивно, что этим разрушается то, что было ему дороже всего на свете, —

уклад мещанской семейной жизни». Вместе с тем она утверждала, что у Руссо была и другая, прогрессивная тенденция, которая никогда не покидала его: «...это был голос *революционера*, передового борца масс, которым нечего было терять от насильственного разрыва с прошлым»³⁵.

Идея «двойственности» в социально-политических воззрениях Руссо дожила и до наших дней. В содержательной брошюре В. Ф. Асмуса «Жан Жак Руссо» читаем: «Критика Руссо одновременно зовет вперед, к низложению угнетающего человечество порядка и влечет назад, внушает понятия, которые должны быть охарактеризованы как реакционная социальная утопия»³⁶.

Если действительно так обстояло дело с так называемой двойственностью Руссо как рыходца из мелкобуржуазной среды, то как понять ту гордость, с которой Руссо в «Общественном договоре» писал о реальных исторических приобретениях, добытых человеком-гражданином благодаря выходу его из дикого состояния в состояние гражданское, политическое? С позиции «двойственности» нельзя дать на этот вопрос удовлетворительный ответ.

У Руссо, конечно, есть немало ярких высказываний, «мапящих назад», ко временам «счастливого неведения», как писал Кареев. И все же не эти натуралистические высказывания выражали сущность социальных воззрений Руссо. Для него как писателя-демократа принципиальное значение имели главным образом социально-политические выводы о преимуществе и выгоде гражданского состояния.

При всей апологетике первобытных отношений он нередко напоминал своим читателям, что и не помышлял о возврате человеческого рода к эпохе дикости, варварства, не предлагал своим современникам разрушать культуру, изгонять науку и искусство; напротив, он стремился освободить эти «великие вещи» от бесплодной опеки праздного, привилегированного меньшинства.

В примечаниях к «Рассуждению о происхождении и основаниях неравенства между людьми» Руссо писал: «Я очень боюсь, что кто-нибудь додумается, в конце концов, мне ответить, что все эти великие вещи, а именно: искусства, науки и законы, были весьма мудро изобре-

³⁵ Роланд-Гольст Г. Жан Жак Руссо..., с. 104.

³⁶ Асмус В. Ф. Жан Жак Руссо, М.: Знание, 1962, с. 9.

ны людьми как моровая язва, чтобы предупредить чрезмерное размножение человеческого рода, из опасения, как бы тот мир, который отведен нам для жизни, не оказался, в конце концов, слишком тесным для его обитателей.

Так что же! нужно разрушить общество, уничтожить „твое“ и „мое“, вернуться в леса жить там вместе с медведями? — такой вывод вполне в духе моих противников; но я предпочитаю их опередить и тем избавить от позора... Что же до людей, мне подобных, в которых страсти уничтожили навсегда первоначальную простоту, которые не могут больше ни питаться травами и желудями, ни обходиться без законов и без правителей... словом, тех, кто убежден, что божественный голос призвал весь род человеческий к просвещению и ко блаженству... то все они... укрепляясь в добродетелях... будут уважать священные узы обществ, членами коих они являются...» ³⁷.

Нельзя, однако, упрощать эту проблему. В учении Руссо вопрос об идеализации первобытного общества остается довольно сложным. На это обстоятельство указывали не только мыслители прошлого. Не случайно в коллективном труде «История диалектики XIV—XVIII вв.» один из авторов — Л. К. Луканин убедительно подчеркнул именно этот факт. «Сложен вопрос об отношении принципа историзма Руссо к его идеализации первобытного общества. Одни считают, что мыслитель вовсе не предлагал зачеркнуть плоды прогресса и вернуться к исходному состоянию дикости, рассматривая это состояние всего лишь как модель для построения будущего общества... Другие, напротив, полагают, что в этом вопросе Руссо был неисторичен и действительно звал людей вернуться к временам дикости. Компромиссную позицию занимает по этому вопросу И. Верцман. „Руссо, — говорит он, — отлично понимал, что история — необратимый процесс, и все же кончает призывом: идите, честные люди, в леса, чтобы не видеть и не вспоминать преступлений ваших современников...“» ³⁸. Статья И. Верцмана, как видите, обрывается на многоточии, не приводятся последующие немаловажные мысли великого французского просветителя.

В «Общественном договоре» и других произведениях Руссо основательно развил положение о преимуществах и выгодах, получаемых человеком в гражданском состоя-

³⁷ Руссо Ж. Ж. Трактаты, с. 104—105.

³⁸ История диалектики XIV—XVIII вв. М.: Мысль, 1974, с. 318.

нии. Правда, необходимость выхода из дикого состояния к гражданской свободе он нередко подкреплял религиозными доводами — «голосом неба», «наставлениями свыше» и другими теологическими назиданиями, что, безусловно, составляло одно из самых уязвимых мест социальных воззрений Руссо.

Что же касается прославления естественного состояния, с которым мы встречаемся у Руссо, то последнее, если вдуматься, не представляло собою преклонения перед диким, животным образом жизни первобытных людей, скорее всего это походило на эстетическую иллюзию, подсказываемую Руссо его переходной эпохой. Ибо не случайно он не раз подчеркивал, что только выход человека из тупого, ограниченного, животного состояния поднял его на небывалую высоту. Хотя человек «лишает себя в этом состоянии многих преимуществ,— писал Руссо,— полученных им от природы, он вознаграждается весьма значительными другими преимуществами; его способности упражняются и развиваются, и вся его душа возвышается до такой степени, что если бы заблуждения этого нового состояния не низводили часто человека до состояния еще более низкого чем то, из которого он вышел, то он должен был бы непрестанно благословлять тот счастливый миг, который навсегда вырвал его оттуда и который из тупого и ограниченного животного создал разумное существо — человека»³⁹.

Характерно и то обстоятельство, что в «Письме к Д'Аламберу о зрелищах», где речь шла главным образом о влиянии театральных зрелищ на нравы народа, Руссо обратил особое внимание на то, что человек обязан нравственным возвышением над животным миром прежде всего своему гражданскому общественному состоянию.

«Ссылка на пример животных неубедительна и неправильна,— писал он, расходясь с Гоббсом, уподоблявшим человека в некотором смысле животному существу.— Человек не собака и не волк. Как только внутри его вида возникнут первые признаки общественных отношений, чувства его приобретают нравственное содержание, совершенно незнакомое животным. Животные обладают сердцем и влечениями; но священная идея должного и прекрасного живет только в сердце человека»⁴⁰.

³⁹ Руссо Ж. Ж. Трактаты, с. 164.

⁴⁰ Руссо Ж. Ж. Избр. соч., т. 1, с. 135.

Это убедительно свидетельствует о том, что Руссо, давая яркие характеристики первобытным условиям жизни человека, отнюдь не призывал своих современников искать выход из всех бед и несчастий, порождаемых цивилизацией, на путях возврата к дикому первобытному состоянию. Прославление естественного состояния, на наш взгляд, служило ему только средством борьбы во имя установления политического равенства, во имя устранения моральной и цивилизованной испорченности, царившей в современном ему обществе. Этот взгляд подтвержден и в учебном пособии по новой истории, изданном в СССР. «Не совсем верно говорят, — читаем мы здесь, — что Руссо, отрицая всю современную ему цивилизацию, звал людей вернуться к первобытному (естественному) состоянию. Он действительно любовался тем временем, когда не было зла, собственности, неравенства, государства, даже наук и искусств, он и у современного человека хотел бы по возможности освободить естественные чувства и влечения от уз искусственной рассудочной цивилизации. Но все же Руссо считал, что естественное состояние не только невосвратимо утрачено... но и окончательно заменено более высоким общественным состоянием, которое предполагает подчинение человека моральному закону» ⁴¹.

Итак, справедливость требует признать, что Руссо, хотя и прославлял первобытное, естественное состояние человеческого рода, вместе с тем достаточно хорошо понимал, что это состояние «невозвратимо утрачено» и что уход человеческого рода от достигнутого им современного гражданского состояния был бы равносителен отказу от исторических приобретений, возвысивших человеческий род над животным миром.

Из сочинений Руссо видно, что он умел с большим успехом изображать и описывать человека не только естественного, независимого, жившего в эпоху дикости, но и человека в абстрактном образе «политического гражданина», выросшего в условиях разложения феодального общества и нуждающегося в разумном государственном правлении и демократическом законодательстве.

«Тот, кто берет на себя смелость конституировать народ, — писал Руссо, — должен чувствовать себя способным изменить, так сказать, *человеческую природу, превратить*

⁴¹ Новая история. М.: Политиздат, 1953, т. 1, с. 231.

каждого индивида, который сам по себе есть некое совершенное и изолированное целое, в *часть* более крупного целого, от которого этот индивид в известном смысле получает свою жизнь и свое бытие, должен поставить на место физического и самостоятельного существования *существование частичное и моральное*. Нужно, чтобы он отнял у человека его собственные силы и дал ему взамен такие, которые были бы для него чужими и которыми он не мог бы пользоваться без содействия других».

Приведя эту выдержку из английского перевода «Общественного договора», Маркс писал: «Абстракцию политического человека Руссо правильно изображает», но при этом он отметил и тот факт, что «действительный индивидуальный человек», вышедший из естественного состояния, только тогда станет «родовым существом», когда он «познаёт и организует свои „собственные силы“ как общественные силы и потому не станет больше отделять от себя общественную силу в виде *политической силы*, — лишь тогда свершится человеческая эмансипация»⁴².

Так, в противоположность историкам культуры прошлого, упрекавшим Руссо в непоследовательности, «двойственности», в желании вернуть человеческий род к эпохе дикой, животной жизни, Маркс увидел в *сочинениях* Руссо, в частности в «Общественном договоре», правильное изображение «абстракции политического человека», вышедшего из прежнего естественного состояния и вступившего на путь общественно-политической жизни.

Буржуазные историки культуры, как показал Маркс, сознательно закрывали глаза на прогрессивные черты учения Руссо. Отвергая их реакционные выводы, Маркс вскрыл и истолковал подлинный смысл утопической иллюзии Руссо. В гипотезе о естественном состоянии человеческого рода и склонности Руссо к робинзонадам (т. е. описанию изолированно живущих человеческих существ) он нашел не бесплодные выпады Руссо против феодального общественного строя, как это истолковывали буржуазные историки культуры, а увидел в этом интуитивные поиски новых ответов на вопросы, которые ставила его эпоха.

И действительно, натурализм Руссо должен быть понят не как реакционный призыв к возврату человечества в эпоху дикости, невежества, а лишь как своеобразный довод в пользу совершенствования общественных отношений.

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 405, 406.

При этом надо иметь в виду, что не только Руссо, но и классики буржуазной политической экономии Адам Смит и Давид Рикардо не свободны были от подобных иллюзий и робинзонад.

«Единичный и обособленный охотник и рыболов, с которых начинают Смит и Рикардо,— писал Маркс,— принадлежат к лишенным фантазии выдумкам XVIII века. Это — робинзонады, которые отнюдь не являются — как воображают историки культуры — лишь реакцией против чрезмерной уточенности и возвращением к ложно понятой естественной жизни. Ни в малейшей степени не покоится на таком натурализме и *contrat social* Руссо, который устанавливает путем договора взаимоотношение и связь между независимыми от природы субъектами. Это — иллюзия, и всего лишь эстетическая иллюзия больших и малых робинзонад»⁴³.

Отсюда ясно видно, что Маркс пришел к совершенно неопровержимому выводу, что натурализм Руссо и других мыслителей нередко представлял собой лишь превратно понятый ими буржуазный способ производства, складывающийся в лоне разлагавшегося феодального строя. «В этом обществе свободной конкуренции,— писал Маркс,— отдельный человек выступает освобожденным от естественных связей и т. д., которые в прежние исторические эпохи делали его принадлежностью определенного ограниченного человеческого конгломерата. Пророкам XVIII века, на плечах которых еще всецело стоят Смит и Рикардо, этот индивидуум XVIII века — продукт, с одной стороны, разложения феодальных общественных форм, а с другой — развития новых производительных сил, начавшегося с XVI века,— представляется идеалом, существование которого относится к прошлому; он представляется им не результатом истории, а ее исходным пунктом, потому что, согласно их воззрению на человеческую природу, соответствующий природе индивидуум представляется им не исторически возникшим, а данным самой природой. Это заблуждение было до сих пор свойственно каждой новой эпохе»⁴⁴.

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 709.

⁴⁴ Там же, с. 709—710.